

Маргарита
Южина

Клондайк
для одиноких
девуц

Маргарита Южина
Клондайк для одиноких девиц
Серия «Ирония любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=432962
Клондайк для одиноких девиц: роман: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-45243-9

Аннотация

Пожилые девушки Люся и Василиса с удовольствием приняли приглашение подруги Маши пожить у нее на даче. Парное молоко, свежие овощи, необозримые просторы – не жизнь, а сказка. А в сказке, как известно, должен быть добрый молодец – если, конечно, красной девице повезет.

Люсе и Василисе повезло, да еще как! В непосредственной близости от Машиного дома оказался целый Тупик Холостяков – буквально клондайк для одиноких девиц.

И тут-то уж наши героини не растерялись! А чего теряться – дикие женихи в глубине души сами хотят, чтобы их приручили...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Маргарита
Эдуардовна Южина
Клондайк для
одиноких девиц
*Роман***

Глава 1

– Ну все, Лизавета, молись! – грозно ворвался в прозрачный кабинет Лизы Серафимов, и та послушно закатила глаза, пытаясь припомнить хоть одну молитву.

Однако же быстро пришла в себя, одернула кофточку и возмущенно захлопала здоровенными ресницами:

– С чего бы это? Просто я вас категорически не понимаю, Игорь Павлович! Вы меня еще душить киньтесь, чтобы уж совсем по Шекспиру!

– Заметь, Лизавета, не я это предложил! – засопел Серафимов и вроде бы даже потянулся к Лизиной шее.

– Да вы с ума сошли, Серафимов! – испуганно охнула та и вжалась в стол. – Вы что такое себе позволяете?

Серафимов помотал головой, сердито запыхтел, а потом

заговорил спокойно – но чего ему это стоило, можно было догадаться даже слепоглухому.

– Лизавета Андреевна! – играл желваками Игорь Павлович. – Я опять жутко удивлен своей получкой. Я бы даже сказал, разочарован я ею, Лизавета Андреевна. Очень мне она не по душе. Какая-то недоделанная! Неполноценная! Ущербная какая-то получка!

– Игорь Павлович, – избегала встречаться с мужчиной взглядом Елизавета, – вы же знаете, деньги выдаю не я, я только...

– Я знаю... я знаю, Лизавета. Ты только смотришь – кто и сколько работает, заказы выдаешь, галочки свои рисуешь, знаю я. Ну так ведь я ж тебя, Лизонька, лично за ручку брал и к дивану в комнате отдыха водил – показывал, что мой напарничек Ваня болеет! Видела? С перепоею он мучился, бедолага! А потом прогулы у него были, были же?

– Ну... случались... только не прогулы... а дни на восстановление здоровья...

– На похмелье то есть, правильно я понимаю? – оскалился Серафимов. – Я ведь и это понимаю, не маленький. Но вот и получается, что на неделе всего и было пять заказов, так?

– Так, – кивнула Лиза.

– И я работал один, так?

– Ну... почти один... так, – согласилась Лиза Кареева.

– Так объясни мне, красавишна нашей автомойки, почему мы с ним получили-то одинаково?! Да еще и такой мизер, а?!

Лиза все знала, да и не только она одна – напарничек Серафимова Гренадеров Ваня и в самом деле ленив был удивительно, однако ж приходился родным братом директору всего этого заведения под звучным названием «Техноцентр», а потому являлся личностью неприкосновенной. Уважаемый Анатолий Яковлевич Гренадеров не переносил, когда Лиза жаловалась на Ваню, тут же напоминал, что и сама Лизонька работает только по нижайшей просьбе ее родственницы. Лизу и в самом деле устроила сюда золовка – кажется, так называется сестра мужа. Анжела была моложе Лизы на год, но имела свой ларек и считалась в их семье успешной бизнесвумен. Перечить ей не отваживалась даже свекровь, чего уж говорить о Лизе – та даже думать о ней боялась! Сама-то Лизонька хотела работать ветеринаром, у нее и образование подходящее было, но... на семейном совете было решено, что из нее ветеринар, как из собачьего хвоста сито, а потому пусть она идет и работает администратором на автомойку! И получать будет не только кошачьи болячки, но и деньги! И график удобный – сутки через трое. И как Лиза ни противилась, ее голос веса не имел – уже через неделю Анжела договорилась со своим одноклассником Гренадеровым, и Лизавета вышла на работу.

Сначала Лиза ничего не понимала и только панически таращила глаза, вжимала голову в плечи и считала себя полным нулем. Сейчас... сейчас она уже все понимала и от этого еще больше вжимала голову в плечи. Она ничего не ре-

шала, но выслушивать все претензии и разругивать все конфликты приходилось ей. И ей как-то это удавалось, пока не приходила пятница и не начинали выдавать деньги. Пятницу Лиза переносила исключительно с валерьянкой, но и она помогала слабо.

Вот сейчас – какая тут валерьянка поможет, вон как этот Серафимов ее глазищами пожирает! Говорят, он увольняться будет, хоть бы уж скорее.

– И что мы задумались? – ждал ответа Игорь Павлович. – Бери табель и пририсовывай мне там заказы, пока бухгалтерия не ушла. Только это тебя сейчас и спасет.

– А как же Ваня? Гренадеров? – уставилась на него Лиза. – Он же... болел! У него и больничный есть! И мы просто обязаны...

– Вот вы из своих личных и выдавайте! А я ему ничего не обязан! Так что, по моим подсчетам, мне нужно еще доплатить пять тысяч семьсот.

– Вот идите к...

– Нет уж! Это ты сама иди к!.. – злобно прервал ее Серафимов. – Ты мой непосредственный начальник, вот и займись!

Лиза еще раз одернула кофточку и направилась к двери:

– Ждите меня здесь. Постараюсь разобраться.

Лиза быстро поднялась к бухгалтеру Свете и попросила:

– Светик, дай мне получку быстренько, а то... у меня потом никак не получится.

Света была улыбочливой, доброжелательной женщиной и даже при выдаче зарплаты не зверела.

– Да получай, мне ведь нет разницы, когда. Мне даже чем быстрее, тем лучше. Как там у тебя – все довольны?

– Если бы! – тяжело вздохнула Лиза и вышла.

Тихонько забежала в туалет и воровато отсчитала пять тысяч семьсот, теперь у нее осталось... да вообще ничего не осталось! Пришлось семьсот рублей сунуть обратно в кошелек, а с пятью тысячами расстаться навсегда.

– Вот! – шлепнула на стол деньги Лизавета. – Больше не получается! Потом... пообещали решить.

– А остальные деньги, выходит, в помощь родовитым алкоголикам, так? Блин! Убью Ваньку! Пусть только Ивана Купала справит, и грохну!

Серафимов сгрел деньги и выскочил не попрощавшись.

Лиза с облегчением выдохнула. Но, как оказалось, рано обрадовалась. В дверях уже обиженно толкались отец и сын Купцовы. При виде их у Лизаветы Кареевой снова в глазах поселилась вселенская тоска. Эта была еще одна ее проблема. Купцовы родней никому не приходились. Они пришли к ним на автомойку прямо с улицы, и не было никакой силы, чтобы их обратно на эту улицу вытолкать. Ни папа, пятидесятилетний Степан Алексеевич, ни его сынок Юрка катастрофически не умели мыть машины! Они просто, на удивление, талантливо не могли это делать! На одну машину у них уходило по два, два с половиной часа, в то время как

ловкая Тамара со своими двумя мальчишками управлялась за пятнадцать минут. И все у нее в руках горело, и клиенты всегда становились только к ней. А вот к Купцовым не становились. А если кто и попадался несведущий, так потом проклинал все на свете и выматывал Лизе все нервы. Просто интересно, отчего это господа Купцовы никак не хотели попробовать себя на другом поприще, ведь было совершенно ясно – хуже, чем здесь, они работать просто не сумеют! Ну нельзя уже хуже и медленнее!

Зато каждую пятницу они прилежно появлялись у Лизы в кабинете выразить свое недовольство.

– Елизавета Андреевна, а вот скажите, пожалуйста, а почему нам так мало заплатили? – начал нагловатый Юрка, в то время как его батюшка только стоял, насупясь, и тяжело дышал от негодования. – Вы нам все подсчитали?

– Да, Юра, совершенно все, – пыталась не раздражаться Лиза. – Сколько наработали, столько и получили.

– Нет, ну так ить на это ж прожить-то как?! – взревел Степан Алексеевич. – Это ж мне... это ж мне тока на бутылку!!!

– Да мне на сигареты, – фыркнул Юрка и тут же получил от отца звонкую затрещину.

– Я тте дам на сигареты! Щенок! Мал ишшо! Отцу на сугрев души денегов нет, а он!

– Нет, ну ты, батя, молодец! Как горбатиться, так самое оно, а как сигареты, так мал значит, да?! – взвился Юрка, а потом махнул рукой. – Да чего ты на меня кидаешься? На

нее вон кидайся! Не хватит тебе на бутылку, я уже считал!

– Да?! Чегой-то, мне даже на бутылку не хватает?

– А что вы хотели-то? – вытаращилась Лиза. – За вами же постоянно то Тамара, то девчонки переделывают! Им и платят. Они вам даром, что ли, работать будут?

– А мы их не просим переделывать! – скривился Юрка. – Мы сами!!!

– Но клиенты же просят, – не выдержала Лиза.

– Это не принципиально! – важно закатил глаза Купцов-старший. – Ты вот обскажи – как нам на эту сдачу жить? Чем я буду дитя свое... Юрка, ты где?! А вот ты... Юрку своего – чем мне кормить? А ежели он с голодухи, того... пухнуть начнет? Закон требует, чтобы люди не пухли! Чтобы им платили!

– А еще закон требует, что эти самые люди работали, – вздохнула Лиза. – Хорошо работали!

– Такого закона я не видал! Чтоб хорошо – такого нигде не прописано! – топнул сапогом Купцов-старший. – А посему... добавляй ишшо... Юрк, скока нам ишшо надо?

Юрка принялся считать в уме, сколько б ему еще хотелось, но Лиза уже не выдержала:

– Я деньги не выдаю! И не дам! И вообще – вон на стройке люди требуются, шли бы туда, там точно платят больше, я узнавала.

Купцовы переглянулись, а потом отец крикнул:

– Нет уж... Там ведра с цементом поднимать, у меня здо-

ровья не хватит. А вот поднять ваше загнившее предприятие – это я ишшо... того... сумею. Я в милицию пойду, вот!

– Отправляйтесь, – равнодушно мотнула головой Лиза.

– И тебя посодют! Вот директор-то удивится, когда узнает, какая у его змеишша пригrelась! – погрозил пальцем Степан Алексеевич. – Так что пошли, Юрка... А ты собирайся, по этапу пойдешь.

– В круиз, – добавил Юрка и распахнул двери ногой.

– На Магадан, – уточнил Степан Алексеевич и вышел следом.

Лиза откинулась на спинку стула. Еще два часа проработать – и можно будет с чистой совестью отдыхать три дня! Три!!! Это мечта!

Правда, до мечты оставалось еще долгих сто двадцать минут...

После работы Лиза забежала в маленькое кафе. Денег сегодня почти не было, но на кофе с пирожным хватило. Ей просто необходимо было посидеть одной, послушать тихую музыку, пожалеть себя, эдакую рохлю, и... просто поесть. Потому что сегодня на ужин опять будет жареная рыба. Лиза не переносила жареную рыбу. А свекровь отчего-то всегда готовила на ужин именно ее. Если Лиза была дома, то у плиты стояла сама и уж придумывала что-нибудь вкусненькое, но вот когда она приходила домой с суток, ее неизменно ждала рыба. Но Лиза не хотела ссориться, поэтому просто

заходила после работы в кафе и только потом топала домой.

– А вот и Лизонька! – приветливо встретила ее у порога свекровь Эльвира Богдановна. – Витенька! Можешь мыть руки, сейчас будем ужинать. Витенька-а-а! Руки мой, говорят же тебе, тетерев!

– Эльвирка, елкина шишка! – возопил из кухни свекор Виктор Иванович. – Да какого ж рожна ты вопишь, когда я уже весь за столом сижу! У меня руки-то всегда чистые, как моя совесть! Я ж те не енот-полоскун, чтоб воду-то на грязь переводить! Говорю ж, как есть руки чистые! И совесть!

Свекор всегда старательно подчеркивал свою чистую совесть, и все уже будто и не знали, что лет двадцать назад его, бывшего прораба, осудили с конфискацией имущества, потому что волок господин Кареев все, на что падал его блудливый глаз.

Правда, после этого прораб стал воровать умнее и осмотрительнее, а потому быстренько построил себе хороший домик в черте города, заимел машину и гараж, но по документам у него ничего не было – он все записал на доченьку, Анжелу. Господин Кареев уже подумывал, как снабдить квартирами деток, да тут прежний строй рухнул, на стройки пришли хозяева, а у тех воровать не получалось. История эта была известна всем, однако о ней вспоминать было не принято...

– Владик!!! – снова голосила Эльвира Богдановна. – Мой

руки! Лиза пришла! Лизавета? Поторопись, мы тебя и так ждали сорок минут. Вся рыба остыла.

– А Владик уже пришел? – спросила Лиза про мужа.

– Только что, – вздохнула Эльвира Богдановна и закручинилась. – У него сегодня удивительно напряженный день выдался. У них в школе готовятся ко Дню города, а это тебе не брюхи у машин скоблить.

Муж Лизы Владлен преподавал в музыкальной школе фортепиано, но он владел и баяном, а оттого был просто нарасхват. В доме о нем говорили с огромным уважением, потому что это был единственный член семьи Кареевых, который прославлял их род на музыкальном Олимпе. Правда, как такового дальнейшего рода не имелось – Владлен никак не мог решиться на отцовство. А сама Лиза без его согласия на ребеночка не отваживалась, хотя и было им обоим по тридцать четыре года.

Сейчас в музыкальной школе занятий не было, но постоянно проводились какие-то мероприятия, Владлена куда-то все время приглашали, и он себя чувствовал еще более уставшим, нежели в учебном году. Неизвестно, действительно ли он так уставал, но дома на него без рыданий смотреть было сложно.

– Решил сегодня записать диск, – делился он новостями за столом. – Правда, нужны деньги, ну да Ангела поможет, она обещала.

– Конечно, кто ж еще поможет, если не сестра, – бурчал

свекор Виктор Иванович. – Это ж, мать, какие мы с тобой умельцы – такую девку вырастили! Миллиардерша! Почти... скоро будет!

– Не уточняй, Виктор, – жеманно плевалась рыбьими косточками прямо на скатерть свекровь, – Анжела в жизни многого достигла. А деньги – это для нее не главное.

– Ха! Анжела достигла! – обиженно фыркнул Владик. – Да если б вы не на нее, а на меня все свое барахло переписали, я б уже знаете чего достиг! Я б знаете кем был! Да я бы... Басковым бы я был, вот! Анжела у них достигла!

Родители постарались его фыркаться не услышать. И в самом деле, был такой эпизод в их жизни – после того как на Анжелу переписали все имущество, доченька лихо выставила родителей за дверь и стала полноправной хозяйкой родительского особняка. Те оказались буквально на улице. И если бы Владлен так ловко не женился на Лизе, у которой была своя квартира, неизвестно, где бы сейчас старики доживали свой век. Но и об этом вспоминать считалось дурным тоном.

– Владик, а когда у тебя трансляция по телевидению? – ловко переменяла тему свекровь.

– Когда сымут на телевизор-то! Гы-ы-ы! – весело заржал свекор. – А его еще никто и не собирается сымать-то! Вот ты, Владька, скажи – ты на роялях можешь спеть «Налей, налей бокалы! Кто врет, что мы, брат, пьяны, мы...»?

– Пап, да что ж ты орешь, как леший! Прямо в ухе из-за тебя засвербело, – поморщился Владлен. – На рояле я,

папенька, не пою! Я на рояле музицирую! Теперь, говорю же, диск хочу записать!

– Владик, а я уже сказала Натэлле Никитичне, что тебя будут показывать, потому что ее Ниночку уже показывали дважды! – сообщила Эльвира Богдановна. И принялась охать: – Она такая умница! У нее такие пальцы! Владик! Я тебе рассказывала, когда вы были маленькие, вы были просто влюблены друг в друга. Просто влюблены!

Лиза сидела за столом, и будто бы ее вообще не было. Она даже была этому рада – тихонько потягивала чай, и никто ее не донимал... Обычно свекровь заставляла жевать резиновые куски рыбы и ждала похвалы.

– Лизавета, спишь ты, что ли? – толкнула ее под локоть свекровь. – Надо подумать, в чем Владик пойдет на День города. Ему костюмы уже лет пять никто не покупал. И это такому приличному мужчине!

– Купим, – кивнула головой Лиза и тут же об этом забыла – Владик не будет просить, он редко с Лизой разговаривает, а она купит, когда он принесет деньги. У нее потому что... нет денег.

После ужина все семейство чинно расположилось возле телевизора – начинался просмотр очередного сериала. Это был священный ритуал, и никому не было позволено относиться к нему наплевательски.

– Ах, я этого не смогу перенести! – прижимала пухлую руку к необъятной груди Эльвира Богдановна. – Как колыхает-

ся сердце! Он же ее сейчас... Лиза, принеси мне ватрушку, она в хлебнице лежит... он же ее сейчас придушит!.. Лиза! Ватрушка не в хлебнице, а в холодильнике! Я ее туда засунула, чтобы Владик не спер!

– Маманя! Ну убавьте же звук! – нервничал Владлен. – Я прямо скоро оглохну из-за вас! А у меня День города!.. Лиза!!! Принеси и мне ватрушку!.. Маманя!!! Ну зачем вы у телевизора-то звук убавили?! Я ж просил вас просто рот захлопнуть!

– Отец!!! – сейчас уже вопили в голос и мать, и сын, потому что Виктор Иванович, наплевав на все ритуалы, попросту включил футбол.

– Виктор!!! Немедленно выключи это голоногое безобразие! – верещала матушка. – Эти игры ничему хорошему не учат! Гонять мяч по полю большого ума не надо. Лучше б картошку в лунки закатывали – глядишь, и проросла б, все стране польза!

Отец был не столько футбольным фанатом, сколько противником всякого давления на собственную личность.

– А твои вот эти самые... идиотские сериалы, какую пользу приносят? А? Быстро отвечай! – он теперь кривлялся перед самым экраном.

– Запомни, Виктор, – тихо и трагично произнесла Эльвира Богдановна. – Эти сериалы учат нас... Владик! Чему нас учат-то?

Владик умел говорить красиво и убедительно.

– Пап, эти сериалы... пусть они немного наивны, но они учат нас сопереживать! – горестно разводил он руками. – Мы же все закостенели! У нас чувства... умерли. Остался только голод. А эти фильмы... учат любить! Учат не оставаться равнодушными... и ценить своих близких. Да... Лиза!!! Да где ватрушки-то?!

Лиза тихонько стояла возле окна и смотрела, как молодые парень и девчонка во дворе весело моют машину. Машинешка была невесть какая – старенькие «Жигули», и мыть ее возле подъезда было, конечно же, нельзя, но... просто никаких сил не было на них ругаться. Ребята мыли ее с такой любовью! Да и себя не забывали. Вот парнишка брызнул водой на голые ноги девчонки, а та, взвизгнув, бросила в него губкой. Он поймал губку на лету, замахнулся и... облапил девчонку, закружил, и она по-детски заболтала ногами.

– А у нас зато иномарка, – непонятно зачем и кому сообщила Лиза.

– Лиза! Ну мы же ватрушку просим, ты чем здесь занимаешься? – появился в дверях кухни муж.

– Владик, пойдем в кино! – вдруг блеснули глаза у Лизы. – У меня завтра выходной, тебе тоже не с восьми. Пойдем, а?

– Так я ж тебя и зову! – вытаращился супруг. – Мам!!! Где ты, говоришь, плюшки упрятала?... Лиза, пойдем, там как раз сейчас развод намечается! Прямо ума не приложу – и что этим бабам надо? Нет, тут режиссер явно перемудрил.

Следующая смена Лизаветы Кареевой началась с нерво-трепки. Прямо с самого утра. Не успела она занять свое рабочее место, как к ней в кабинет вплыл генеральный директор.

– Лизонька, у меня тут новенький кадр образовался, так ты его поставь в ученики к кому-нибудь опытному да работающему. Ну, сама понимаешь, чтобы парня работе побыстрее обучили да чтоб в деньгах не проиграл. Кто там у тебя в двойке работает?

Лиза вздохнула:

– У нас из опытных только Тамара. Но у нее своих двое мальчишек. Ей больше некуда.

– Ну да, и получать нечего будет – это ж надо на троих делить... – призадумался господин Гренадеров. – А в двойке у нас кто?

– В двойке у нас девчонки... но у них... – Лиза усмехнулась и развела руками. – Они держатся только на личном, я бы сказала, обаянии. Еще вот Купцовы отец и сын, но те хронические неумельцы. Им бы самим научиться.

– А еще кто? – наседал начальник.

И Лиза, и Гренадеров прекрасно знали – есть еще одна пара, Серафимов и Ванечка Гренадеров, но Лиза сознательно не подставляла Игоря Павловича – хватит и того, что он один за двоих работает, куда уж еще и третьего. Но, видно, Анатолий Яковлевич считал по-другому.

– А братик мой с кем трудится? Там же, кажется, Серафи-

мов работает? Толковый мужик. Вот к нему и поставь ученика. Чего ж я тебе все время подсказывать должен? Сама-то не могла додуматься?

– Но Анатолий Яковлевич! Но ведь Серафимов и так Ваньку-то кормит, чего ж он...

– У нас здесь всех я кормлю! – рявкнул Гренадеров. – И попросил бы не забываться! Да, и этих... Купцовых давай увольняй, нечего нам тут деньги на ветер швырять! У меня еще на примете человечка два болтаются, родня в город переезжает, надо на время пристроить, так что... Давай, Кареева, знакомь новичка с наставником!

И ушел. Лиза же только шмыгнула носом и в который раз представила, как бы славно она лечила кошечек или собачек от блох. А тут... И что ей скажет этот Серафимов? Опять молиться заставит... А уж про получку даже подумать страшно – это сколько ж ей предстоит даром-то пахать?

Новичок бесцеремонно ввалился к ней в кабинет сам.

– Мне сказали, к вам надо, ну и куда меня? – не поздоровавшись, плюхнулся на стул новый кадр.

Лиза оглядела новичка. Мужичу лет под пятьдесят, самоуверен, нагловат, невоспитан – вон даже жвачку изо рта не выплюнул, такой черта с два какие-то наставления будет воспринимать. И где их только Гренадеров находит?

– Имя, фамилия? – угрюмо спросила Лиза.

– Чья?

– Ваша! Свою я знаю.

– Ах, моя! – довольно зафыркал новенький. – Познакомиться, стало быть, желаете! А чего – Толик не сказал? Я – Антон Яковлевич. Гренадеров!

– Кто б сомневался, – вздохнула Лиза и пробурчала: – Вам к Серафимову. И учтите, он у нас герой труда, так что не вздумайте перечить. А то он из вас мигом Дездемону соорудит.

– Ха! – нагло осклабился мужик. – Это ж в каких таких смыслах – Дездемону?

– Да задушит на фиг, и весь смысл, – отмахнулась Лиза и поднялась. – Вон, видите, возле красной машины мужчина стоит? Да не туда смотрите-то! Вон! Там!

– А, это который с Ванькой, что ль? – обрадовался еще один братец начальника. – И чего? К нему, что ль?

– Прямо к нему. Сами дойдете? Да дойдете. Скажете, что вас Анатолий Яковлевич поставил. Все. Идите. Главное – не оглядывайтесь.

И она быстро захлопнула дверь в кабинет.

Это не помогло. Буквально через две минуты к ней в кабинет влетел разъяренный Серафимов.

– Это что ж такое делается, госпожа Кареева?! Вы меня специально хотите на тот свет отправить, так я понимаю?

– Н-н-нет, это не я хочу, – испуганно заблеяла Лиза. – Это... Гренадеров своего брата... а куда ему его девать-то?!

– Короче, так, – тяжело дышал Серафимов, – если у меня за эту неделю не будет прибавки за всех вот этих... уче-

ничков, я, Кареева... я с тебя твои личные деньги вытрясу, ясно?!

– Не ясно! А почему с меня? С начальника и тряси!

– Начальник вообще не знает – кто мы и что! А ты знаешь!

Сама по благу пристроилась, а теперь только на Гренадерова и работаешь!

– Да все мы тут... на него работаем.

– Я все сказал. А ты уж сама думай, что там кому сказать

– вам, блатным, легче договориться.

Он выскочил, а Лиза перевела дух. Ну и хорошо, сейчас можно неделю работать спокойно, а потом... потом она уйдет на больничный, пусть этот Серафимов сам с Гренадеровым лается.

* * *

Василиса Олеговна уныло валялась на кровати и листала журнал мод. Она уже сшила себе два приличных платья, и они, на удивление, вышли изумительно, но вот выйти в этих платьях было совершенно некуда. И ведь даже свадьбы никто не проводит! А ведь сейчас бы на свадьбке она б в новом-то платье как смотрелась! Конечно, у подруг Василисы уже давно прошла пора шумных бракосочетаний, но дело в том, что сама Василиса Олеговна и ее подруга Люся на свадьбах подрабатывали. Василиса была задорной тамадой, а Люся растягивала меха аккордеона, с лету подбирая любую мелодию.

И это была весьма ощутимая прибавка к пенсии. Но вот в последнее время молодежь отчего-то категорически не хотела приглашать к себе на свадьбы ведущих, и приходилось наслаждаться бездельем. И платья, получалось, надеть было некуда. А на улице вдруг наступило лето! Да как-то сразу и всерьез! До самого конца мая погода стояла холодная и неприветливая, а с самых первых чисел июня ударила жара. И уже можно было облачаться в новые наряды, вот только... что там говорить, кожа после зимы была не просто бледная, а прямо-таки синюшная какая-то! А платьица Василисы Олеговна сшила себе самые открытые – чтобы сразу подчеркнуть все плюсы фигуры. Однако «плюсы» с незагорелой кожей смотрелись сомнительно. Откуда-то вылезали морщинки, и кричала дряблость. Конечно, если бы у Василисы был загар! Но только где его взять в самом-то начале лета? Ну и как прикажете их носить – платья-то?

– Вася, ты что, не слышишь? Иди открой, а то я Малышу лапы мою, – крикнула из ванной комнаты Люся – самая близкая подруга Василисы Олеговны Курицыной.

Люся, то есть Людмила Ефимовна Петухова, была не просто подругой. Они уже почти сроднились, так как проживали в одной квартире уже... ой, да никто уже и не помнил, когда они жили отдельно. Квартиру Люси женщины сдавали в аренду, а сами жили в хоромах Василисы. И сын Василисы Павел, и дочка Люси Ольга уже давно выросли, завели свои семьи, подарили подругам внуков и тоже уже считались по-

чти родней.

Еще с Васей и Люсей жили здоровенный пес Малыш и вальяжный кот Финли. Малыш попал к подругам по нелепой случайности, был весьма породист, назывался черным терьером и в своем собачьем паспорте имел уж очень мудреную кличку. Кличку благополучно забыли, а пса холили и лелеяли обе хозяйки. Правда, почему-то считалось, что выгуливать собаку, мыть ей лапы и кормить все же обязана Люся. Финли был тоже породистым, к тому же – желанным, самокупленным и, похоже, очень этим гордился. Во всяком случае, никаких щенячьих восторгов и бешеной любви к хозяевам проявлять никогда не собирался.

Вот и сейчас – Люся мыла мохнатые лапы Малыша после прогулки, а Василиса листала журнал и поглаживала бархатное брюшко Финли. Тот снисходительно позволял себя нежить. Однако звонок в дверь нарушил идиллию, пришлось Василисе отвлечься от столь приятных занятий и бежать в прихожую.

– Ой, Машенька! А ты чего к нам? Да еще и так рано? – обрадовалась Василиса. – Люся! Да хватит тебе уже парня полоскать! Посмотри, кто к нам пришел!

Маша была третьей подругой, с ней никогда не удавалось поссориться, она все время притаскивала какие-нибудь подарочки, приносила новые идеи и совершенно замечательно умела хранить секреты, а потому ей все и всегда были рады.

– Машенька, – вдруг оживились глаза у Василисы, – я на-

блюдаю у тебя жутко огромные сумки, ты нам опять принесла косметику?

– Да нет, это я на дачу все купила, – отмахнулась подруга. – Вот, машину не взяла и теперь как та лошадь. А вы чего дома? На улице такая благодать, а вы дома паритесь!

– А где нам париться? – печально воздела глаза к потолку Василиса. – У нас дачи нет, на пляж – так Люся, вредина такая, еще купальник себе не купила! Да с ней и вовсе! Разве с ней куда выберешься? А одной... знаешь, Машенька, женщинам, когда им за сорок, в одиночестве на пляжах валяться не позволяет их благородное воспитание. Еще подумают, что у нее мужа нет и она за мужчинами охотится!

Василиса Олеговна кокетничала. За сорок ей случилось задолго до конца прошлого столетия, но она справедливо считала, что имеет право так говорить – пусть бросят в нее камень, если ей сорока еще не стукнуло!

Маша уже проходила в кухню, уверенно включала чайник и не переставая щебетала:

– Васенька, ты не представляешь! Мои озорники на все лето умотали кто куда, взрослые же уже, а я совершенно не могу в одиночестве. Вот дома еще работой спасаюсь, а как на дачу ехать, так хоть волком вой. Скучно мне там одной-то... Финечка, я тебе какую-то косточку притащила, продавец сказала, что все кошки от нее без ума. Грызи на здоровье, чисти зубки.

Из ванной уже вышла Люся, и Малыш здоровенной мор-

дой стал тыкаться Маше в руки.

– Малышка! Смотри, что я тебе принесла! Прямо вон какой сыр! Ой, вкуснятина какая!

– Маша, да не корми ты его, он сейчас есть будет, – предупредила Люся, но было уже поздно – песик ухватил гостинец и потащил его в комнату. Финли быстренько потрусил следом – у Малыша обязательно надо было урвать кусок вкусного!

– Ну рассказывай, что у тебя новенького? – уселась к столу Люся и принялась хлебать налитый гостьей чай. – Давно не приходила. Как вы?

– Люся, я потом все расскажу, а сейчас... поедemте со мной на дачу! – вдруг просительно улыбнулась Мария. – Ну так ведь целое лето пройдет, а вы никуда и не выберетесь.

Василиса жутко хотела на дачу. Сейчас это было просто необходимо – в такую жару она легко обретет качественный загар, и тогда, о чудо, все увидят, какие замечательные платья она себе изготовила! Кстати, платица можно взять с собой на дачу – и вечером они с подругами будут совершать променад... по сельской дороге. Боже, это так романтично! А Люся с Машей, конечно же, опять влезут в какие-нибудь страшные джинсы или, что уж и вовсе нелепо, в штаны с начесом! Господи, как же трудно жить белым лебедем среди серых уток!

Вася уже настолько ярко себя представила на даче, что даже поперхнулась, когда вдруг услышала:

– Спасибо, Машенька, но мы, вероятно, не сможем. У нас же... у нас же внуки! Да еще и хозяйство – вон Малыш и Финли, куда ж их?

Люся тяжело вздохнула и развела руками – дескать, и рады бы, но...

Василиса быстро-быстро заморгала, потом чуть было не испепелила взглядом подругу, но... сдержалась и только повернулась к Маше:

– Что она говорит, а? Маша! Я свято надеюсь, что ты этого не слышала! Эта... эта вредная женщина хочет мне испортить единственное лето в этом году! А оно у нас и так... как у беременных! Ждешь его девять месяцев, а потом один день и... и можно по новой ждать! Ты ее, Маша, даже и не слушай больше никогда! Наша Люся все равно ничего умного не скажет! Она у нас... она у нас, как плодоярка – сплошной вредитель!!!

– Плодоярка... – обиженно засопела Люся. – Тоже мне, персик нашлась... А куда мы Малыша с Финли денем? Ты не подумала? С собой, что ли, возьмем? Так Финька в первый же день куда-нибудь слиняет!

– От тебя все линяют! – уже не могла сдерживаться Василиса. – Одна только я еще держусь... как-то... Приношу себя на алтарь нашей...

– Да перестаньте вы ссориться, – легкомысленно махнула рукой Маша. – Поедем, и все. Малыша с собой возьмем, Финьку тоже – никуда он не убежит, у меня вся дача сеткой

обтянута, чтоб чужие собаки грядки не портили. Ничего с вашим хозяйством не случится. Поедем, а? Денька на четыре, это ж и не долго совсем.

– Не долго... – все еще раздумывала Люся. – А если моей Ольге понадобится куда-нибудь отлучиться, с кем она сынишку оставит?

– Маша! А теплые вещи брать или у тебя там есть? – уже рылась в шкафах Василиса, укладывая в огромную сумку свои вещи. – Я на всякий случай возьму... Маша! У тебя там есть такие красивые беленькие носочки шерстяные, с синими полосочками? Или мне взять?

– Люся, не переживай, – успокаивала подругу Мария, – Ольга без тебя четыре-то дня как-нибудь проживет. Вон у нее какой муж заботливый... Вася! Ты ничего из вещей не бери, у меня все есть!

– А пеньюар? У тебя там есть пеньюар? – уточняла из комнаты Василиса.

– Есть! Байковый такой, халат называется, – кивнула Маша и стала помогать подругам собираться.

Пока Василиса сгребала одежду, Люся торопливо набирала номер своей дочери.

– Оленька! Оля... – чуть не плакала она в трубку. – Оля... Ты только не пугайся. Случилось непредвиденное! Нет, Василиса не собралась в декрет, просто... Да нет же, и я под венец не отправляюсь! Все гораздо хуже! Да живы мы, и никто еще не покусился на нашу честь, но...

Василиса уже не могла слышать бляенье подруги, вырвала из ее рук телефон и объяснила всю «трагедию» в двух словах:

– Ольга, мы тут к Маше на дачу едем... Да, на недельку, а твоя матушка...

– На какую недельку!!! – взревела Люся. – Маша сказала – на три дня!

– Люся! Не волнуй свою нервную систему! Это я с запя- сом сказала, – не поворачивая головы, пояснила Василиса. – Вдруг мы еще загореть не успеем... Оленька, так я скажу ма- ме, чтобы она отдыхала на полную катушку, да? Ну конечно, Малыша берем с собой, и Финли тоже... Цветочки ты польешь, да? Ну и ладненько. Целуй малыша!

И Василиса, бросив трубку, повернулась к Марии:

– Маша, а мы в магазин заедем? А то у нас с собой даже крема подходящего нет. И еще надо...

Но на нее уже быком надвигалась Люся, и, судя по взъеро- шенному виду, крем ее волновал мало.

– Ты зачем трубку бросила, а? – обиженно сопела она. – Я ж еще с дочерью как следует не переговорила! Я ж даже... И зачем ты ей про цветок наговорила! Будто бы у Ольги есть время за каким-то цветком смотреть! И вообще! Куда ты те- лефон спрятала? Мне поговорить надо!

– Маша, хватит копаться, – уже всю командовала Васи- лиса, не обращая ни малейшего внимания на бушующую по- другу. – Нам еще по магазинам часа три ездить. Поехали!

Господи! Как дни летят, просто уму непостижимо! Только-только выдали одну получку, а уже и следующая! А Лиза даже заболеть по-настоящему не успела! И вот опять – жди теперь этого Серафимова!

Лиза еще с вечера начала чувствовать смутное беспокойство. Она не могла, как обычно, пялиться в экран, когда вся семья степенно уселась перед телевизором. И даже навлекла на себя недовольство свекрови: «Лизавета! Сядь! Что ж ты мотаешься, как коровий хвост?! Пора тебе приобщаться к высокому искусству!». Но приобщаться Лиза не могла – она переживала. Да и как не переживать, если даже сама Светочка-бухгалтер приходила к Лизе и с сожалением качала головой:

– Из-за этих новеньких у Игоря опять никакой получки. Прямо так жалко мужика, так жалко...

– Надо с Гренадеровым поговорить, с начальником. Ну нельзя так! – тоже кипятилась Лиза. – Этот же Серафимов... он меня скоро по миру пустит! Он же мне... я уже и так из-за него всего Шекспира назубок помню! Поговори с Гренадеровым, Свет, а?

Света только махнула рукой и поморщилась:

– Думаешь, я не говорила? У него один ответ: «Не нравится, я никого не держу! Пусть хорошо учит, чтобы самому

денег не терять. Или вы мне прикажете из личного кармана новичкам платить?» Вот и поговори с таким.

Сегодня Лиза даже в сторону бедолаги Серафимова старалась не смотреть. Но он подошел сам, пробарабанил пальцами по ее столу и склонил голову:

– Лизавета, сегодня будут деньги выдавать. Я надеюсь, в этот раз восторжествует справедливость?

– Сколько вам лет, Серафимов? А все еще слова какие-то выдумываете... – вздохнула Лиза, но, глянув в его потемневшие глаза, вдруг весело качнула головой. – А давайте вместе надеяться! Я тоже буду!

– Ну-ну... – скривился Серафимов и вышел.

Надежда скончалась, когда Светочка позвала всех к себе в бухгалтерию. Лиза за деньгами не торопилась, а вот у остальных работников призыв бухгалтера вызвал бурное оживление.

– Ну и что? – подошел к Лизе Серафимов. – Пойдем за деньгами вместе. Вместе ж надеяться собирались.

– Да нет... вы уж сами... У меня... у меня, оказывается, столько дел, боюсь, к концу смены не успею все оформить, – заюлила Лиза, пряча глаза.

– Ну-ну... – прекрасно понял ее Серафимов, но ругаться больше не стал – видно, понял, что совсем не Кареева тут деньгами ворочает.

Конечно, получать ему было нечего. Даже его ученики брезгливо дергали губой – не деньги, а подачка! А на само-

го Игоря Павловича смотреть было больно. Он даже бегал к начальству, но задержался не надолго. Напоследок быстро ругнулся с Ванькой, что-то сказал новенькому и вышел.

– Сильно переживает, – вздохнула Лиза и побежала получать деньги – Светочка уже собиралась домой, начальство тоже торопилось по домам, а у остальных работников только начиналась ночная смена.

Когда Лиза зашла в бухгалтерию, к ней с вытаращенными глазами кинулась Света:

– Лиза! Что тут было! Ты не поверишь! Ну Гренадеров и га-а-ад... Кстати, он уже уехал, ты не видела?

– Уехал! Еще минут тридцать назад. А что случилось? – загорелись глаза у Лизы.

– Ты с ума сойдешь! Прибегает к нему Серафимов и давай права качать, дескать, когда я нормально получать буду? А наш Толик руками разводит и голос еще такой сделал... как у гимназистки – невинно-недоразвитый! «Я, – говорит, – знать ничего не знаю про ваши деньги! У вас есть прямое начальство, к нему и обращайтесь!» Прямое начальство – это ты, стало быть. А Серафимов...

– Я?! – не поверила своим ушам Лиза. – Он же сам говорил, что...

– Это он нам с тобой говорил, а Игорю тебя сдал, – вздохнула Светочка. – Я ж говорю – форменная сволочь! Так Серафимов еще уточнил – дескать, правда, что ли, ты ему такую подлянку устраиваешь? А Гренадеров так ехидненько:

«А как же еще может заработать женщина без особенных способностей? Вот и старается. Но я за нее возьмусь!»

– Это я-а-а?! Я стараюсь, да?!

– Ты. Это вроде как ты специально Серафимова обираешь, получается... – горько кивнула Светочка и сделала вывод: – Нет, Лиза, надо отсюда уходить. Вот у меня Юрчик киоск откроет, и я сразу к нему. Пусть там и денег не паровоз, зато сама себе хозяйка. Здесь я тоже не миллионы получаю. А Серафимов-то уволился. Сказал, что больше работать не будет, и пусть теперь ты эти машины своим пузом драишь!

Лиза посмотрела на свой живот – никакого пуза не намечалось. Ну да, она вчера вечером пекла хворост, ну так ей даже не досталось! Только и успела ухватить, когда пробовала – хрустящие ли!

Она удрученно замотала головой – Светочке хорошо, у нее Юрчик собирается что-то там открывать, а вот куда Лизе деваться?

И все же она была жутко обижена на Гренадерова. Ну чего врать-то?! Сам струсил, а теперь Лизе хоть добровольно под топор! Хотя... Серафимов же уволился! Вот и славно! Теперь ей можно и здесь спокойно поработать. Не машины мыть, конечно, но...

– Светочка! – торопливо заговорила Лиза. – Ты на всякий случай предупреди Гренадерова, что я машины мыть никак не могу. Я не умею! И учить меня некому! Серафимов уволился, а если я к Тамаре встану, точно тебе говорю – рабо-

тать будет некому.

Светочка пообещала вставить словечко и стала собираться домой – она уже и без того сегодня сильно задержалась.

Смена проходила спокойно. Нет, мужики, конечно, ворчали – надеялись, что кто-то их осыпет денежным дождем, но это было каждый раз, и Лиза к этому уже давно привыкла. Работы почти не было – никто не хотел драить машины в двенадцать ночи, и можно было спокойно почитать журнальчик.

– Привет! – вдруг протиснулся в ее кабинет новенький братец начальства. – Это ты, что ль, Лизавета Андреевна?

– Я, – буркнула Лиза. – По финансовым вопросам – к директору!

Ох, и не нравился ей этот новенький! Захребетник! Из-за него порядочный человек ушел, а он – поди ж ты, тоже чем-то недоволен! Ему деньги, можно сказать, подарили, а ему мало!

– А к тебе там муж приехал. Просит выйти, – кивнул новенький на выход.

Лиза сначала минут пять моргала, ничего не соображая, а потом подскочила:

– Где муж?! Ко мне муж приехал?!

– Ну да... сказал, что муж. Просил выйти. Так ты... того... выйди, чего кочевряжишься-то?

Лиза даже не оглянулась на нахала – выбежала, не успев даже журнальчик захлопнуть.

На улице было темно и никого не было видно. Лиза вертела головой, но Владика так и не обнаружила.

– Интересно, куда он подевался? – не могла сообразить Лиза.

Ее вдруг обуяла тревога – никогда еще Владлен не приходил к ней на работу, даже днем, а уж ночью-то... Что же такое могло произойти дома, что Владик оторвался от телевизора?

– А ты чего к мужу не вышла? – вдруг раздался рядом с ней знакомый голос. – Он ждал-ждал... потом обиделся и ушел.

Перед ней стоял Серафимов.

– А куда он ушел? Я ж сразу выскочила! – расстроилась Лиза. – Это, наверное, новенький! Его попросили меня вызвать, а он! Пока шел – забыл. А потом только соизволил вспомнить!

Она уже хотела бежать обратно в кабинет – на столе оставила телефон, но Серафимов предложил:

– Да не переживай – садись в машину, мы его сейчас мигом догоним. Он недалеко ушел, только за угол свернул.

Лиза прыгнула в машину, и Серафимов дал по газам.

– Я просто ума не приложу, что это он притащился? – все больше нервничала Лизавета. – Дома что-то случилось, что ли?

– Ну... Может быть, просто захотел повидаться? – попробовал предположить Игорь Павлович. – Соскучился, решил

сделать приятное.

– С чего бы это? – недоуменно вытаращилась на него Лиза. – Он мне за всю семейную жизнь только один раз приятное сделал – купил своей маме путевку в санаторий! И я целый месяц была хозяйкой... у себя дома... Нет, сегодня определенно что-то случилось...

Они завернули за угол, но машина скорость не сбавляла, а даже наоборот – водитель только сильнее нажимал на педаль газа.

– Я чего-то... – вертела головой во все стороны Лиза, – я чего-то не понимаю... А мы куда едем-то? Мы ж моего мужа ищем или чего? Куда ты меня везешь-то?! Останови сейчас же! Я ж на работе!

Серафимов повернул к ней голову и грустно проговорил:

– Лиза... У вас сегодня... у вас и в самом деле стряслось нечто ужасное дома. Но...

– Кто?! – с надрывом закричала Лиза. – Кто это?! Ну говори же! Я знаю! Я все знаю! У нас кто-то умер! Кто это?!

Серафимов крикнул:

– Вообще-то... у вас там все живые. Но... там еще хуже. Только я все равно ничего не скажу. Пока не приедем на место.

– На место преступления, да? – снова заверещала Лиза.

Серафимов только угрюмо кивнул.

Лиза же не находила себе места.

– Ну что там могло случиться? Серафимов! Я же с тобой

разговариваю! Я рассуждаю – что же там могло случиться?! – металась она по салону. – Я знаю! Точно! Огромное горе! Наверное, они смотрели сериал, и на самом интересном месте телевизор взорвался! Да?!

– Нет. С телевизором обошлось.

– Ой, как жалко-то... – швыркнула носом Лиза и вдруг снова вытаращила глаза. – Тогда... Тогда пожар! Я давно подозревала, что моя свекровушка по ночам курит в постели. А потом у нас воняет! Рыбой... Она каждый вечер рыбу жарит. С чего бы это? Нет, только я тебя сразу предупреждаю – если у нас опять поймали Виктора Иваныча на какой-то стройке, так это никакое не горе. Он у нас постоянно сидит, еще с доперестроечных времен, мы уже привыкли.

Серафимов только вздохнул и пробасил:

– Ты все равно не догадаешься. А раньше времени... раньше времени я тебя не буду расстраивать.

Лиза фыркнула и демонстративно уставилась в окно. Не будет он ее расстраивать! Можно подумать, она все это время наслаждается неизвестностью! Природой она любит, можно подумать!

Лиза пристальнее взгляделась в окошко: на улице стояла кромешная мгла, дорогу обступали высокие ели, и город как-то незаметно остался позади, даже огоньков никаких не наблюдалось.

– Интересно, и кто это придумал в таком месте преступления устраивать? – поежилась она. – Нельзя было, что ли,

где-нибудь поуютнее местечко выбрать? И чем им город не подошел? Тут же сплошная жуть.

– Ну уж, как получилось, – здраво рассудил Серафимов. – Да ты не бойся, мы уже скоро приедем.

Они и в самом деле через несколько минут подъехали к небольшому двухэтажному домику, который прятался в здоровенных зарослях черемухи.

– Все! Вот мы и на месте, – убрал руки с руля Серафимов.

– Уже приехали? – заволновалась Лиза. – А почему здесь? И где Владик? Ты обещал, что здесь будет Владик! Где он?! И что у нас произошло в конце-то концов?! Ну говори же!

Теперь он посмотрел на нее как-то особенно печально и проговорил:

– Лизавета, Владика здесь нет. Но я тебя не обманул. У вас... у вас в доме действительно произошла жуткая неприятность... Тебя похитили.

– Меня?! – округлила глаза Лиза. – С ума сойти! А кто?

– Ты не поверишь – я!

Он развел руками и теперь смотрел на ее реакцию. Лиза сначала не поверила. Даже неуверенно фыркнула, но... обозрев темную, незнакомую местность, начала медленно закипать.

– Та-а-ак... Значит, ты меня похитил, да? – сжимала она губы в ниточку. – А на кой черт я тебе понадобилась?! Ты что, не мог кого покрасивей свистнуть? Вон сколько молоденьких девчонок, они бы с ума сошли от счастья, если б их

кто-нибудь украл! Знаешь, сколько у нас незамужних девчонок бегают?! Они, может быть, с превеликим удовольствием в кавказские пленницы записались! А я... А ты...

– Понимаешь, у меня раньше с детьми няня сидела. Но вот уже второй месяц ты меня так с работой обламываешь, что ни на какую няню денег просто не хватает! Вот я и подумал – а почему б тебе моими детьми не заняться? А чего? Денег с тебя все равно не выбьешь, вину свою ты не признаешь, а так... Меня, например, устраивает. Вот я и придумал – послал новенького, сказал, что тебя муж вызывает и... теперь у моих детей есть няня.

Лиза смотрела на него во все глаза и не могла поверить, что этот человек не шутит! Как это – няня?! Она ж... она ж вообще даже на мойке работает! Администратором! Нет, ну у нее была мечта еще ветеринаром работать, так ведь не няней же! Что она с детьми делать будет? Да и потом – не знает она никаких детей! Она и не умеет с ними совсем!

– Нет-нет, – покачала она головой. – Я не согласна. У меня работа, дом... Я не могу, чтобы няней. И даже... если честно, у меня еще не возникло острого желания посвятить себя детям. Да я и...

– А тебя никто и не спрашивает, – фыркнул Серафимов. – Короче, я сейчас на вторую работу погнал, а ты... вот это наш домик, давай вперед! Дети там одни. И не вздумай капризничать. Вообще на все лето оставлю!

– Это нечестно!!! Я не устраивалась гувернанткой! – уже

кричала Лиза, в то время как Серафимов бесцеремонно вытолкнул ее из салона и заводил машину. – Я вам не какая-то тут Мэри Поппинс! Я буду орать!!!

– Ори, – кивнул из машины Серафимов. – Сегодня будний день, на дачах никого нет, только детей перебудуешь. Учти – тебе обязательно нужно им понравиться.

– У нас нельзя красть людей!!! Да знаешь, что тебе будет за похищение?! Я по телевизору видела – это преступление!

– Ну, кому-то надо и преступления совершать, – спокойно реагировал Серафимов.

– Отпусти меня домой, гад!!! Меня дома ждут!!! – колодила по капоту руками Лиза. – Отвези меня домой! Я к маме хочу-у-у!!!

– Не разбуди детей, они потом плохо засыпают.

– Да ты! Пог-годи, я теб-бе... – она уцепилась за бампер и пыталась задержать здоровенную машину. Идея была, конечно, глупая. Это Лиза поняла сразу же, как только ткнулась лбом в землю. – Я не согласна похищаться!!! Так и знай!!! Я... я убегу! И умру потом от голода!!! И ты... Вот гад какой, а...

Серафимов больше не мог ее слышать – он уже был далеко. Лиза тихонько шмыгнула носом и поплелась в незнакомый дом.

Глава 2

Маша и Василиса с Люсей на дачу приехали уже ближе к вечеру. Как раз было то самое время, когда солнце уже не так яростно палило, когда мягкий ветерок обдувал прохладой, когда радостно просыпались комары и мошки, а ведра так и звали к потрескавшимся грядкам.

– Ой, девочки, хорошо-то как!!! – с удовольствием потянулась Маша. – Вот приезжаю сюда, и как будто лет пятнадцать скидываю.

– А я вот все больше на море... молодею... – оглядывалась по сторонам Василиса.

– Поэтому ты и выглядишь на восемьдесят, – бурчала Люся. – Все никак до моря добраться не можешь.

Василиса даже внимания обращать не стала на язвительные замечания подруги. Та всегда пребывала в дурном настроении, если не могла прибежать к внуку по первому его хныканью. Нет, Ольгиного сына Василька любила без памяти не только бабушка Люся, но и Василиса. Тем более что и назван малыш был в честь нее – Василисы Курицыной! Однако ж Люсина любовь переходила все границы! Малыш даже ходить начал позже остальных детей, потому что бабка не давала ему буквально шагу ступить самостоятельно. А уж как она его баловала, об этом Василиса и вовсе никому не говорила, иначе органы опеки уже давно бы лишили Люсю вся-

ческих бабушкинских прав. Ольга просто не знала, что делать, ее муж Володя, крайне воспитанный человек, медленно худел от безысходности, а Люся наслаждалась своей новой ролью и придумывала новые способы, как избаловать ребенка. Поэтому временная изоляция Люси от Василька была просто необходима.

– Девочки, давайте быстренько перетащим вещи в домик, а потом вы будете готовить ужин, а я полью грядки, – предложила Маша. – Ну просто сил нет смотреть, как листики погибают! Вон Малыш уже пакет тащит!

– Это он свой корм учуял и думает, что никто не заметит, если он сразу сожрет весь пакет, – пробурчала Люся, и вдруг завопила: – Малыш!!! А ну фу, я сказала!!! Кому сказала, фу! Финли! Это я не тебе кричу, не надо залезать на дерево! Финли, слезь! Да куда ж тебя несет! Там же вороны! Они тебе все темечко прокляют! Вася! Держи же Финьку!

Пока подруги ловили одичавших питомцев, Маша все перетаскала сама и даже что-то там накрыла на стол.

– Девочки-и-и!!! Ужинать!

Не успела она крикнуть, как возле нее тут же оказался и Малыш собственной мохнатой персоной, и даже Финли, который продуманно спрыгнул сначала Люсе на голову, а уж потом понесся на кухню к Марии.

– Вот, Люсенька, как надо воспитывать животных, – наставительно заявила Василиса. – Все только через инстинкты, только через них... Нет, не соврала Мария – и в самом

деле хорошо... Люся, не забудь, тебе не следует долго засиживаться за столом, у Маши еще грядки не политы.

Люся уже бежала вслед за своими любимцами, торопливо наливала им воды в огромный таз и даже пыталась накормить, а посему распоряжений Василисы благополучно не расслышала.

– Вот, девчонки, здесь мы и будем теперь жить, – с удовольствием уплетала Маша салат из редиски. – Красота здесь такая – целый год потом будете вспоминать. Я бы отсюда не вылезала. Но на неделе здесь народу мало живет, человек десять от силы, поэтому мне одной... жутковато немного. А с вами-то – ха! Да я все грядки десять раз и прополю, и разрыхлю, и заново посею!

Люся отчего-то вдруг окончательно поникла, но потом все же спросила:

– Маша... так я не совсем уяснила – мы здесь целую неделю жить будем?

– Ну, если понравится, можем и задержаться. Куда нам торопиться? – обрадовала Маша.

– Действительно, – кивала головой Василиса, не забывая черпать ложкой салат, – до самого июля можно... грядки эти рыхлить. Маша! Ты не представляешь – у Люси паразитические способности к земляным работам! Она... она что хочешь тебе вмиг зароет, выдерет, протопчет! Тебе тропинки нигде не надо топтать? А то есть у нас тут... человечек с птичьей фамилией... ее хлебом не корми, дай только тропинки

протоптать.

Людмила Ефимовна со звучной фамилией Петухова вовсе не была настроена на веселый лад.

– Девочки, я, конечно, полью, чего там надо, но только... мы завтра же домой! Прямо... прямо завтра же! У меня там внук без присмотра! Что они из него воспитают? Нет, Машенька, уж ты меня прости, но... завтра ты меня домой отвези, а уж вы тут с Василисой... Я вам и Малыша оставлю, чтоб не так страшно было! И Финьку, чтоб повеселей. А меня... завтра домой.

– Нам бы дожить до завтра-то, – прервала ее Василиса. Она-то точно знала, что завтра обязательно случится что-нибудь такое, что уехать будет никак нельзя, так зачем себе сегодня нервы мотать?

На огороде нашлась работа всем. Если сначала Василиса мечтала развалиться в шезлонге и получать шадящий вечерний загар, то после первого же ведра воды, которое на нее «случайно» выплеснула Люся, пришлось вскочить и весело носиться по грядкам, таская лейки.

– Ну, на сегодня все, – довольно улыбалась Маша, когда все посадки были политы по несколько раз. – Вы сейчас отдыхайте, а я съезжу к бабушке Вере – это в деревне, тут недалеко. Она мне всегда молоко продает.

– И меня возьми! – взмолилась Люся. – В город добро-сишь. Я домой хочу! Мне надо! Ну, чтобы завтра тебе не отвлекаться.

– Маша, ты и сегодня не отвлекайся, – прервала подругу Василиса. – Возьми лучше не Люсю, а сыворотку у этой бабушки. Говорят, сыворотка божественно действует на кожу лица! Я буду сегодня делать маски.

Маша кивнула, прыгнула в машину, и через минуту ее уже и след простыл.

Подруга поехала в ближайшую деревню за молочными продуктами, а Василиса с Люсей должны были наслаждаться дачным отдыхом.

Василиса переделалась в купальник, который сама же связала еще зимой, и вышла на полянку, где у Марии предполагалась зона отдыха, а Люся понуро плелась следом.

Фигура зрелой женщины в купальнике немного не вписывалась в пейзаж: ярким огнем полыхали пионы, торжественно возвышались ирисы, благородно являли себя миру благоухающие розы, и среди этого благолепия торчала, будто шест, длинная Василиса, растопырив руки для ровного загара.

– Люся! Ты посмотри, какая прелесть! Да не на меня смотри, я еще не окрасилась в шоколадный цвет. Смотри, как здесь дышится! Ну куда ты пялишься-то?

– Я на Финьку смотрю, он уже мышку поймал, кажется, – удивленно вздернула брови Люся.

– А чему ты удивляешься? Здесь же сущий рай, здесь же всего полно – мышей так и вообще хоть лаптем ешь! Кстати, твоя Ольга звонила. Они решили, что раз уж тебя все равно

в городе нет, они свозят Василька к Володиной маме. Пусть малыш подышит свежим воздухом, та бабушка тоже по нему скучает.

– Как же это к Володиной?! – всполошилась вдруг Люся. – Но... это же на месяц получается! Это пока они до той деревни доберутся, пока отдохнут... А нельзя, чтобы они сюда Василька привезли? Здесь же вон как хорошо! И Маша против не будет. Молочка здесь попьет...

– Уймись, бешеная бабушка, – скривилась Василиса. – Сюда ребенку нельзя. Здесь комары. И, прошу заметить, мошки! Да! Вон, Малыш едва успевает их глотать. Малыш! Плюнь мошку! Она жрет всякую гадость, а ты ее в рот! Плюнь, говорю! Фу!

Люся быстренько убежала в домик, схватила телефон и стала набирать номер дочери. Однако Василиса к вопросу подошла с умом, и Ольга была уже предупреждена.

– Вася!!! Они уже уехали! – рыдала Люся после разговора с дочерью. – Я сумела дозвониться ей только на сотовый! Они уже в поезде, какое горе!

– А я тебя предупреждала, – преспокойно вертелась с растопыренными руками Василиса, – когда-нибудь Василек должен был начать взрослую самостоятельную жизнь. Без твоего вмешательства. Не переживай, зато завтра ты сможешь... самостоятельно посадить в землю разумное и доброе! И вырастить хоть одну луковицу за всю жизнь!

Люсе ничего не оставалось делать, как похныкать в ухо

любимому псу и получать удовольствие от пребывания на даче.

– Ну вот, девчонки, привезла вам молочных продуктов! – очень скоро появилась и Маша. – Все самое натуральное! Только что из-под коровки. Налетай!

– А сыворотка? – рылась в сумке подруги Василиса.

– Сыворотка вон в той белой бутылке. Баба Вера сказала, что она очень полезна не только для лица, ее и пить можно. Она даже бычков поит и поросят, чтоб здоровее были. Люся, доставай творог, сейчас со сметаной сделаем.

И опять начался ужин. Теперь уже на столе чего только не было. Маша как-то умудрилась быстренько подогреть мясо, сварить картошку, настрогать салатов. И теперь подруги сидели в небольшой беседке и объедались. Дома-то они себе много не позволяли, а на даче – ну тут уж доставай все самое лучшее!

Когда глаза уже не могли смотреть на все это гастрономическое изобилие, Василиса вспомнила про маску:

– Машенька, а куда я сыворотку сунула? Сейчас бы мне на лицо надо наложить, пусть кожа тоже побалуется.

– А ее Люся куда-то утащила. Тоже, наверное, кожу баловала, – беспечно отозвалась подруга.

– Люся! Это ты мою сыворотку стащила? – рыкнула Василиса. – Это бессовестно! Я первая догадалась, что ее нужно на лицо лить!

– Не кричи ты... – облизывала Люся ложку с творогом. – Я

ее Малышу дала. Если поросят поят, то ему тоже надо. Пусть будет здоровым, а то... эти городские условия испортят нам всю собаку.

– А моя кожа?! – прищурилась Василиса, уперев руки в бока. – У меня... смотри, у меня из-за тебя две морщины появились! Вот и вот! Они даже огурцом не сводятся! И у Маши еще ни одного огурца не поспело! А покупные... да! Я купила огурец, облепила им всю личность, а потом я вся зеленая была! Ты же помнишь!

– А Малышу надо! – упиралась Люся. – Да ты не расстраивайся, он ее все равно уже всю выпил. Чего орать-то?

– Девочки! Ссоры – это не наш метод, – прервала их Маша. – Предлагаю рябиновки! Для оздоровления!

Против слабенькой рябиновки аргументов не нашлось, и дамы очень скоро пришли в самое благостное расположение духа. По всему было видно, процесс оздоровления идет семимильными шагами – женщины расслабились, стали подвывать нудную песенку про любовь безответную, и даже на какой-то миг почувствовали себя совсем молоденькими не только душевно и изнутри, но местами даже и снаружи. Им даже показалось, что жизнь только начинается, а впереди их ждет прекрасное, волнительное будущее. Правда, волнительное будущее каждая рисовала по-своему. Маше оно виделось в большом доме, который расположится прямо здесь, посреди участка, и в нем можно будет жить и зимой, и летом, и по выходным здесь будет собираться ее большая, дружная

семья. Люсенька в будущем видела себя бабушкой известного музыканта... ну, или композитора – Василек уже сейчас кричит исключительно по нотам, просто страшно подумать, что будет, когда он подрастет! Не может такой дар остаться незамеченным. Василиса же мечтала о толпах поклонников. Пусть даже толпа будет самой маленькой... Да пусть один поклонник толпится, но зато пусть будет пылкий и нежный! Должна же когда-нибудь у нее на жизненном пути встретиться взаимная симпатия!

Вечерело, и вскоре все три женщины отправились досматривать свои мечты во сне.

Сыворотка, парное молочко и рябиновка аукнулись поздно ночью. Сначала в комнате раздалось дружное урчание животов, потом на выход потянулась Василиса, а за ней и Люся. Здоровенный Малыш и вовсе выскочил из домика пулей – сыворотка не приживалась в собачьем организме. И только Маша блаженно нежилась в постели, сладко похрапывая.

Василиса с Люсей совершили уже не один вояж, когда Люся вдруг толкнула уснувшую зыбким сном Василису.

– Вася! – тревожно прошептала она, боясь разбудить Машу. – У нас Малыша дома нет!

– Как это нет? А в ванной смотрела? – сонно пролепетала Василиса, поворачиваясь на другой бок.

– Вася! Здесь вообще нет ванной!

Василиса торопливо поднялась и продрала глаза:

– Я ж говорила – от тебя, Люся, сбегает все! Даже ванна!

А мы где?

Люся сначала вытащила подругу на улицу и только потом разъяснила, где они, по какому поводу и вообще – они потеряли собаку! Самого первого друга человека!

– Он не мог далеко уйти, – сурово насупила брови Василиса. – Мы его найдем по свежим следам!

– Он мог уйти уже до города, – не согласилась Люся. – И по поводу свежих следов... это ты верно сказала – под ноги смотри, а то вляпаемся.

Даже не накинув на себя теплых кофт, подруги вышли за ворота.

– Малыш! Малыш! – сначала очень тихо, а потом все громче стали они звать собаку.

Тот упрямо не отзывался.

– Правда, что ли, в город убежал? – расстраивалась Василиса. – Мы не дойдем! Мы заблудимся! Люся! А если он уже сам заблудился? Я тебе этого никогда не прощу! Спала как медведь, а бедная собака...

– Тихо... – насторожилась Люся. – Там, кажется, какой-то шум... Слышишь – женщина кричит?

Василиса прислушалась. Где-то на другой улице дачного поселка и в самом деле раздавались голоса. Особенно выделялся звонкий женский голосок. Женщина была явно чем-то недовольна. Или же напугана.

– Точно! – обрадовалась Василиса. – Это Малыш какую-то тетку напугал! Малыш!

– Тихо! Подойдем без лишнего шума, – четко командовала Люся. – Подзовем Малыша, чтобы...

– Чтобы не расстраивать себя на ночь глядя, – правильно поняла ее подруга. – А то накостыляют, что пес без намордника.

Они быстро направились на голос, стараясь меньше шуметь, и по мере приближения уже ясно понимали – виноват здесь совсем не их шаловливый пес. У кого-то случились серьезные неприятности.

А вот с неприятностями у этих двух дам были совсем особенные отношения.

Василису и Люсю просто тянуло к неприятностям. И обязательно чтоб с криминальным оттенком. Мало того, они умудрились даже расследовать несколько преступлений. Правда, не всегда это было безопасно, но их это смущало мало. Зато очень беспокоило и Ольгу, дочку Люси, и Пашку, взрослого сына Василисы, который к тому же служил в милиции. Крепко сплотившись, они категорически запретили своим матушкам совать нос в любые недоразумения.

Но сейчас-то в темном дачном поселке кто им может помешать узнать, отчего так надсадно вопит несчастная?! Кто запретит им оказать первую доврачебную помощь? Кто узнает, что они опять куда-то вляпались? Они ж никому на свете не проболтаются – слава богу, опыт имеется.

– Вася, не шуми... давай на цыпочках... – тихонько продвигалась Люся вперед.

Вася тоже старалась продвигаться тихо, но у нее не совсем получалось – вот еще ветки какие-то под ногами хрустят! Дворники просто совсем не хотят работать! За что им только платят?!

Голоса между тем приближались, и уже ясно можно было разобрать весь диалог.

– У нас нельзя красть людей! Да знаешь, что тебе будет за похищение?! Я по телевизору видела – это преступление! – сильно кричала женщина.

А спокойный мужской голос ей отвечал:

– Ну, кому-то надо и преступления совершать.

– Отпусти меня домой, гад!!! Меня дома ждут!!! Отвези меня домой! Я к маме хочу-у-у!!! – еще сильнее голосила несчастная, но в ответ ей раздался только звук отъезжающей машины.

– Люся! Вперед! – рванулась через кусты Василиса. – Нам надо освободить эту девушку! Мы ей поможем!

– Куд-да?! – ухватила подругу за подол ночной рубахи Люся. – Не время еще! Надо все разведать сначала, а уж потом...

– Да ты что говоришь?! – разъяренно таращила глаза Василиса. – Пока мы все разведаем... да девчонка умрет от горя! Неизвестно, что с ней сделают!!!

– Тихо! – рывкнула подруга, рывком усадила Василису возле себя и притаилась в темных кустах черемухи.

Теперь уже было не просто слышно голоса, но и видно все,

что творится возле небольшого странного домика.

По узкой дачной дорожке отъезжала машина, а с земли поднималась женщина лет тридцати пяти. Женщина по щекам размазывала то ли слезы, то ли грязь, однако ж никуда не рвалась, ее никто насильно не удерживал, она отряхнула подол платья и сама побрела в дом.

– Ну и чего мы ждем?! – не могла спокойно сидеть в засаде Василиса. – Надо же бежать! Туда! К ней!

– А, может быть, не надо? – с сомнением наклонила голову Люся. – Я помню, как ворвалась спасти несчастную жертву в наручниках, она еще так кричала... А оказалось, что сейчас у молодежи такие игры... сексуальные. Мне хватило.

Василиса, не удержавшись, фыркнула:

– Это потому что ты в любовных делах ну чистый динозавр! Дремучая...

Люся уже собиралась напомнить, что и сама подруга не больно-то в этих делах преуспела, но... с Василисой стало твориться что-то непонятное. У нее вдруг поехали вниз уголки губ, а глаза, как раз наоборот, стали вылезать из орбит.

– Люся... – выпрямилась подруга колом. – Я все поняла. Бежим, Люся! Промедление смерти подобно!

– Куда, Вася, бежим-то?

– За мной!!! – И подруга рванула с места.

Сначала они бежали только вдвоем, но чуть позже Люся вдруг ощутила за своей спиной чье-то прерывистое дыхание

– их догоняли!

Казалось, сил уже не было, когда они подбежали к калитке Машиного домика, но вот последний рывок... и в ногу Люси уткнулась теплая морда Малыша.

– Малыш! Мальчик мой! Да я ж... я ж чуть не померла сейчас! А это был ты!!! – лопотала счастливая Люся, тяжело дыша. – Вася! Ты посмотри, Васенька, Малыш прибежал! Сам нашелся, негодник, Вася!

Но Василиса не слушала подругу. Не сбавляя темпа, она неслась к маленькому скромному домику в самом дальнем углу дачного участка.

– Малыш... ну нельзя ж так людей пугать, – журила собаку счастливая хозяйка. – Вон у Васи от счастья медвежья болезнь прогрессирует... Мой хороший, где ж тебя носило, паразит?

Люся, стараясь не шуметь, вошла в дом и направилась в маленькую кухню. Вообще-то ее осторожности были излишни – Маша на свежем воздухе спала, точно добросовестный налогоплательщик. По всему домику разливалось ее успокаивающее похрапывание.

Люся же не знала, чем угостить любимого пса.

– Давай я тебе сыворотки...

– Никакой сыворотки! – появилась в дверях Василиса. – И молочка парного – тоже! Это ж... это ж форменное издевательство! Уснуть невозможно – уже во сне этот скворечник снится! Малышу – только рис! А мне... там сметанка

осталась?

– Вася, а ты чего поняла-то? – уставилась на подругу Люся.

– Я всегда и все понимаю, – пожала плечами Василиса. – А что тебя удивляет?

– Нет, ну там, в кустах, ты сказала, дескать, что-то поняла и рванула... Так что ты поняла? Ты что-то увидела?

Василиса скривилась, потом вздохнула и развела руками:

– Конечно, поняла... а что тут непонятного. Туда надо идти утром! Утром и пойдем. А сейчас... Люся, не морочь мне голову, мне ею еще надо мысли думать. Вот ты сейчас спать завалишься, а я... я буду разрабатывать план операции по освобождению... Кстати, а ты дом не запомнила? Где мы были-то?

Люся не запомнила, но кивнула уверенно:

– Найдем.

* * *

Лиза осторожно вошла в дом и огляделась. Было темно, но свет включать она побоялась – где-то здесь должны были спать дети. Интересно, а сколько детей-то? Сейчас как окажется, что целый детский сад, и что она с ними будет делать?

На первом этаже все было тихо и спокойно. Здесь располагалась небольшая кухня с газовой плитой и довольно просторная комната. Была также маленькая дверца в санузел...

Лизу, признаться, сей факт очень удивил. Она привыкла думать, что на дачах все удобства располагаются на улице, а тут – поди ж ты! Все в доме. Да еще как сделано-то! Все в кафеле, и места – куча! Даже окно есть, а на окне цветок какой-то. Такой ванной у Лизы даже в городе не было. Но все же здесь задерживаться не имело смысла, и она направилась изучать обстановку дальше. Кухня и гостиная разделялись большой русской печкой. В комнате было чистенько, ничего лишнего: полка с книгами, круглый стол, угловой диван и телевизор. Детей здесь совершенно точно не наблюдалось. Лиза осторожно стала подниматься на второй этаж. Из маленького коридорчика вели три двери. Когда Лиза открывала первую дверь, сама себе она напоминала вора. КрадетсЯ здесь, кого-то ищет и боится найти.

Первая комната была детской. Открытое настежь окно, ночной ветерок слегка колышет штору, и все залито лунным светом. На деревянной кровати, раскинув руки, спал мальчишка лет десяти. Вихрастый, с упрямым лбом и насупленными бровями. Даже во сне паренек хмурился.

– Да, серьезный ребенок. Этот на шею не бросится, – вздохнула Лиза и прикрыла двери.

Вторая комната была пуста, но сомнений не было – здесь проживал сам Серафимов. Вон на кресле валяется его свитер, его Лиза еще по работе помнит. На кровати подушка не помята, на маленьком журнальном столике какие-то кипы журналов...

– Ого... а журналчики-то не «Плейбой», – фыркнула Лиза.

Между журналов затесалась тетрадка с какими-то расчетами.

– Неужели подсчитывал, сколько ему не доплатили? – неприятно удивилась гостья. – И до чего ж люди меркантильные бывают. Нет чтобы детьми заниматься...

Однако расчеты были вовсе какие-то незнакомые, и Лиза отложила тетрадь в сторону.

На стене небольшая картина маслом – по спокойным волнам плывет маленькая лодочка под парусом. Или это называется не лодочка? А, может быть, это яхта? Все равно вдалеке не разобрать.

Лиза прошла в третью комнату. Здесь тоже стояла кроватка, но поменьше. А на ней... большой ком.

Лиза осторожно расправила ком – оказалось, что, укрывшись с головой, под одеялом спит девочка... маленькая совсем... может, два или три годика... Вон как вспотела – весь лобик в капельках пота. А духота-то какая!

Лиза подошла к окну и распахнула створки. В комнату сразу ворвался свежий ветерок, и дышать стало легче.

– Совсем удушить девчонку захотел, паразит, – вздохнула Лиза. – Спят... и куда мне, интересно, деваться? Бдить всю ночь? Или тоже... уснуть можно?

Она решила улечься прямо на полу, здесь же, в комнате этой маленькой девочки – вдруг ребенок проснется, так что-

бы она слышала. Как бы там ни было, а Серафимова надо было дожидаться.

В небольшом шкафчике, который был здесь же, нашелся плед, а внизу, на первом этаже, где висели куртки и прочая одежда, Лиза отыскала пуховичок и фуфайку – это сошло за матрас и подушку.

Постель была неудобной, чего уж там, но тем не менее Лиза уснула сразу, едва прикоснулась к самодельной подушке.

Разбудил ее непривычный звук – где-то рядом хныкал ребенок.

Лиза подскочила и сразу же вспомнила, что теперь она – няня! Правда, что делать с плачущей девочкой, она не понимала совершенно.

– Маленькая, ты проснулась? – как можно ласковой проговорила она.

Девочка уже сидела на кроватке, куксилась, и было видно, что самой малышке кукситься вовсе не нравится, но у нее отчего-то нет другого выхода. Постель была насквозь мокрая, и надо было ребенка куда-то девать из этого болота.

– Иди ко мне на ручки... пойдешь? – испуганно позвала Лиза, боясь, что девочка откажется.

Кроха ручки протянула, но настроение у нее от этого не улучшилось.

– Сейчас мы с тобой...

В этот момент распахнулась дверь, и в комнате появился мальчуган, которого Лиза видела ночью.

– Здрассьте, – бегло поздоровался он и потянулся к девочке. – Со-онечка, просну-у-улась... а чего ты такая кислая? А кто тебе окно распахнул на всю ивановскую?

И он кинулся закрывать окно.

– Это... знаете ли, это я ночью распахнула, на... ивановскую... – сбивчиво пояснила Лиза. – Тут такая духота стояла. Вот я и... девочка прямо задыхалась!

– А чего вы обратно не закрыли, когда ливень начался? Передавали же, что гроза будет, оттого и духота стояла... – деловито насупился парнишка и подошел к кровати. – Ну конечно, у Соньки вся постель мокрая – дождь-то прямо ей в кровать лил! Я ж ей специально и окно закрыл!

– Да что вы! А я думала... я думала, это она сама... – окончательно растерялась Лиза, покачивая хнычущую малютку. – Так надо ж кровать-то в другое место поставить.

– В другое место не получается, не входит, – буркнул мальчишка и забрал сестренку себе на руки. – Пойдем, Софья, переодеваться... Блин, да у нее температура! Ну влипли... она у нас вообще хлипкая на здоровье, наследственность. А вы... тоже. У вас что – своих детей нет?

– Да как-то, знаете... – развела руками Лиза. – Нету.

– Пора бы уж, не девочка.

– Да уж... не девочка, – согласилась Лиза и встревоженно спросила. – А что делать-то теперь? Может, врача вызвать?

– Кто к нам в эту дыру поедет? Да Сонька у нас сама справится, папка ее закаливать начал, так она теперь болеет все

так же часто, только уже не так долго, – пояснил мальчишка, ловко переодевая сестру.

Лиза стояла рядом и чувствовала себя жутко виноватой. Просто страшно представить, что с ней сделает этот Серафимов – мало того что денег лишила, так еще и ребенка под ливнем бросила. И кто ее просил с этим окном лезть?!

– А... папка-то когда твой вернется?

– Не знаю. Он сейчас свой магазин строит, может и через пять минут приехать. А может и на следующие сутки.

– Магази-и-ин, – вытянулось лицо у Лизы. – А чего ж он тогда на мойке торчит? В смысле, зачем тогда на мойке работает, если у него свой магазин имеется?

Парнишка повернулся к Лизе и впервые внимательно ее разглядел. Видимо, умственные способности Лизы на ее внешности не отражались, потому что он стал пояснять, точно маленькой девочке:

– Магазина еще нет. А на него нужны деньги. А деньги должен дать банк. А банк даст, если человек где-то официально устроен. И потом – нам что-то надо есть!

– Ну да, я как-то не подумала... – закивала Лиза. – А... кстати, чем вас кормить?

– Меня кормить не надо, я уже позавтракал, а вот Соню... у нее там в холодильнике молоко стоит, нужно кашу сварить. Кашу вы умеете?

– Кашу – умею. Манную. И геркулесовую.

– Геркулесовую она не ест. У нее еще там фруктовые пюре

имеются, но это после каши. И – никаких лекарств, она их плохо переносит.

– А как же...

– Все будет нормально. Она у нас девчонка не хлопотная. Мальчишка вручил Лизе сестру, а затем вышел, аккуратно закрыв дверь.

– Вот и хорошо, что не хлопотная, правда же? – пробормотала Лиза и стала расхаживать по комнате с девочкой на руках. – Сейчас братик нам приготовит поесть, Сонечку накормим, а потом Сонечка будет играть. А где у нас тут игрушки? Надо еще постельку поменять... Давай поищем простынку...

Девочка безвольно висела на руках Лизы, и ей просто не удавалось ничего сделать – ни найти простынку, ни отыскать игрушки, к тому же руки очень быстро устали, а отпустить девочку было некуда.

– Пойдем вниз, посмотрим, скоро ли братик нас кормить будет? Сонечке уже кушать пора.

Она осторожно спустилась вниз по лестнице, но никакого братика в доме не оказалось.

– Сонечка, а куда же наш братик подевался?... Братик! Брати-и-ик! Черт, я даже не спросила, как звать-то мальчишку...

Еще через полчаса Лиза вдруг осознала, что братик не просто вышел на пять минут, а сознательно сбежал! И никто их кормить вовсе не будет! И Лиза самой надо готовить эту

кашу... И это тогда, когда у нее на руках остался больной ребенок! А ведь каким рассудительным пацаном показался! И мерзкий Серафимов не спешит узнать, как у них тут дела! А если бы Лиза оказалась маньячкой? Ну семейка! И где, интересно, их мамаша? Не знает, что у нее тут больной ребенок, тоже, небось, какой-нибудь магазин открывает? Бизнесмены хреновы! А ей тут...

– Сонечка, ты посиди тут... Куда ж тебя посадить... Пойдем, детка, что-нибудь придумаем... У тебя есть коляска? Ну такая, прогулочная? Я видела – мамыши всегда ребятешек в легких таких колясочках возят. У вас такая есть? Папа покупал?

Сонечка вообще не хотела общаться. Было видно, что ребенку становится хуже – вон уже и личико как покраснело, и головка все больше клонится к Лизе на плечо...

– Девочка моя, ну что же делать? – металась с ребенком на руках Лизавета. – Как же тебе температуру-то сбить?

Она вдруг вспомнила, что ее мама в далеком детстве никогда не давала ей таблеток. А температуру сбивала просто – обтирала ее влажной тряпочкой.

– Сейчас-сейчас... Подумаешь, детей у нас нет, мы же тоже... не в болоте выросли.

Лиза набрала в ковшик воды, уселась с девочкой на диван и стала аккуратно мокрой рукой поглаживать девочке лобик, ножки, ручки.

Температура отступала очень медленно, но отступала. И

девочка, почувствовав облегчение, задремала. Лиза осторожно уложила малышку на диван и выпрямилась.

– С ума сойти... Мамочкам обязательно надо памятник! Это сколько они тяжести таскают! – качнула она головой и покосилась на спящую Соню. Теперь надо было быстро сварить кашу. Но как оставить ребенка на диване? А вдруг проснется? Не хватало еще, чтобы она с дивана грохнулась! Однако на чью-то помощь Лиза уже не наделась. Она шмыгнула на кухню и принялась кашеварить.

Манная каша, которая у Лизы всегда получалась великолепно, потому что ее обожал Владик, и свекровь самолично полгода учила невестку готовить это изысканное блюдо, так вот теперь эта каша никак не хотела вариться! Молоко закипало, на удивление, долго, а манка разваривалась ничуть не быстрее застарелого мяса. Или Лизе так казалось. Однако, когда она поставила тарелочку с готовой кашей на стол, Сонечка все еще спала.

– И что теперь делать? – снова растерялась женщина. – Будить ее, что ли? Или пусть спит? Тогда каша остынет.

Лиза осторожно провела по руке девочки.

– Черт! Снова температура подскочила! Ну надо ж так, а? И угораздило же меня... – чуть не плакала несчастная нянька. – И где этого Серафимова носит?! Гад какой-то!

С новым пылом она принялась протирать девочку. Теперь она сидела на коленях возле дивана, рядом на столе стояла злополучная каша, а на полу – ковш с водой.

Соня снова проснулась. И опять захныкала.

– Знаю, милая, знаю. Ты же голодная! – схватила девочку на руки Лиза. – А у нас тут кашка! Сонечка будет кашку?

Сонечка замотала головой.

– Ага... стало быть... стало быть, ты все понимаешь... – удивилась Лиза. – Интересно, а с какого времени дети нормально мыслить начинают? Сонечка, давай кашку ням-ням! Ну-ка, открывай ротик!

– Я и буду касу... и фочу, – вдруг отчетливо проговорила девочка.

– Не хочешь? – удивилась Лиза. – А чего это ты так? Между прочим, очень даже... качественная, на молоке.

– И фочу на майке! – снова закапризничала девочка и уткнулась головенкой в диван. – Де папа-а-а? Сима де-е-е?

– Папа? – вздохнула Лиза. – Я бы тоже хотела знать, где его черти носят... А Сима... Сима – это кто?

– Де-е-е папу чейти нося-а-ат? – хныкала девочка.

– Сонечка! А давай пойдем гулять! – вдруг решила Лиза. – На улице вон как хорошо! Тепло! Солнышко! И папа придет.

Девочка не слишком обрадовалась прогулке, однако ручки протянула.

– Сонечка, но только надо сначала покушать. Кашку, а? А ну-ка пойдем, съедим ее быстренько.

Лиза схватила девочку на руки и хотела было на этой веселой ноте протолкнуть в ребенка еду, ан не тут-то было. Девочка лихо отмахнулась от навязчивой тетки, и каша немед-

ленно угодила на шею и воротник Лизаветы.

– Ты гязная какая! – снова захныкала девочка. – Я к тебе и фочу.

– Не хочешь... – насупилась Лиза. – А кто меня грязной сделал? Кто кашей швырлся? Я сама, что ли?

Лиза просто не знала что делать – оставлять Соню одну она боялась, а ходить с кашей на шее было более чем неприятно.

– Соня, ты посидишь немножко одна, а? Мале-е-енько? Тетя пойдет уберет кашу...

– Неть! – снова захныкала девочка. – И фочу онна... Гуять нада.

– Но как же я с кашей-то? Я ж быстренько!

Девочка еще больше захныкала, а потом и вовсе заревела в голос.

– Соня, детка! Да черт с ней с кашей, пусть там болтается!

– Это что это за рев? Там не стадо ли коров? – раздался вдруг в прихожей знакомый голос.

Лиза с облегчением выдохнула.

– Ну наконец-то папаша надумал заявиться, – буркнула она, взяла Соню на руки и побежала встречать хозяина.

– Ну и как вы тут? Держитесь? Софья! Держишься? – в благостном расположении духа шутил Серафимов. – Не уморила мне тетка ребенков?

– Уморила... – виновато кивнула Лиза. – Я ночью окно распахнула, а там дождь... ну и... весь дождь на Сонечку

вылился. Поэтому... она уже не держится, у нее температура тридцать девять.

Серафимов переменился в лице, но недовольство постарался сдержать и обошелся без крика:

– Ну что ж вы так, женщина? Я понимаю, обозлились, что я вас от любимого мужа упер, но не на ребенке же зло сры-вать!

– Да ты что, Серафимов?! – испугалась вдруг Лиза. – Ты с ума сошел, что ли? Ты в самом деле думаешь, что я специально эту кроху под дождь выставила?! Да ты... ты сам кровать детскую под окно сунул, ума хватило, а я... я и не знала, что дождик этот растреклятый будет! А в комнате духота была невыносимая! Девочка так вспотела... так вспотела, что даже одеяло потом покрылось! И хватает наглости...

Соня, которая только что успокоилась, не могла терпеть, чтобы на родного папашу так возмущались, поэтому разразилась низким, протяжным ревом.

– Сонечка! А чего мы плачем? – засуетилась Лиза и стала подпрыгивать вместе с девочкой. – Ля-ля-ля! Ля-ля-ля! А мы уже и не плачем, правда же, Сонечка?

– Пва-а-ачем... – басила девочка.

– Дай сюда ребенка, ты ей все головушку на фиг стря-сешь, – забрал к себе дочку Серафимов. – Ну ничего дове-рять нельзя. Я ей, как человеку, а она... Вечером Симка с Соней посидит, а я тебя домой отвезу, все равно с тебя тол-ку...

Лиза снова тяжело вздохнула:

– Игорь Павлович... тут такое дело... Короче, Сима... его тоже нет. Сбежал.

– Кто бы сомневался, – кивнул Серафимов. – А с чего это он?

– Ума не приложу, – виновато моргала Лиза. – Я ему ничего не говорила, и с окном был полный порядок – оно у него уже было раскрыто, но... утром он сказал, что Соня заболела и... убежал. Я думала, может, он за врачом, а... потом ни его, ни врача.

Серафимов отчего-то расстроился не слишком. Он вместе с дочерью отправился на кухню и принялся греметь кастрюлями. Лизавета посеменила следом.

– Я думаю, может быть, он подумал, что ты в дом новую жену привел? – предположила она.

– Тебе нельзя думать, Кареева, из этого ничего хорошего не получается. – Одной рукой доставал хлеб Игорь. – Симка работает у нас. В деревню он на велике махнул, там он в клубе игры компьютерные ведет. К делу относится серьезно, поэтому не пропускает рабочих дней. К вечеру вернется, тогда я тебя отвезу...

Лизавета смотрела, как ему тяжело управляться с девочкой и что-то выискивать себе в холодильнике, и потянулась за ребенком.

– Давай Соню, я рядом постою, поешь, – она забрала девочку и добавила: – А домой я не уеду... пока Соня не вы-

здоровеет. Сама ее простудила, сама и ухаживать буду.

– Ты уходишь! Ты кого хочешь уходишь! Ухаживать она будет! Мне теперь тебя с детьми и оставлять-то страшно! Черт знает, что у тебя там на уме.

– Ничего у меня там нет! – возмутилась Лизавета. – А я сказала – не уеду и все! Только свой телефон мне дай, я домой позвоню, а то... представляю, что там делается!

Серафимов поднялся и через минуту принес ее же собственный телефончик.

– Бери! Я за ним специально на работу заезжал... И ничего у тебя там не происходит! Ни одного звонка не поступало. «Представляя-а-аю, что де-е-елается!»

Лиза взяла телефон.

– А сумочку? Сумочку вы не захватили? – переходя на вежливое вы, спросила она. – У меня там деньги.

– Это чтобы меня под белы ручки в ментовку? – качнул головой Серафимов. – Это хорошо, что телефон на столе лежал! А то бы и его не привез. Но... надо же тебе объяснить, где ты была, волнуются же, наверное... Хотя как-то слабо волнуются, я бы сказал – ни одного звонка.

Лиза презрительно поджала губы – много он понимает, «слабо волнуются»!

Однако и в самом деле никто не звонил. Да и кому звонить? Владик ждал ее только утром с ночной смены, а потом убежал на работу – даже и не понял, что жену стащили, а свекровь... та только рада – вечером же наплетет сыночку,

что его жена где-то мотается, пока он горбатится...

– Ну все равно... – объяснила она то ли Серафимову, то ли себе. – Зато на работе волнуются.

– И на работе не волнуются, – махнул рукой Игорь, пододвигая к себе кастрюльку с Сонечкиной манной кашей. – Я им сказал, что ты животом маешься, и тебя муж забрал. И что еще долго с тобой нелады будут... может быть, ты даже в декрет пойдешь. Так что... Гренадеров не слишком печалится.

– Да Гренадеров и не будет печалиться! Он мне мигом замену найдет, – фыркнула Лиза и вдруг вспомнила: – Точно! Найдет! Он мне сам говорил, что у него родня прямо целой стаей нагрянула, и всех пристроить нужно... Блин... теперь я и вовсе без работы осталась.

– Ничего-о-о, – усмехнулся Серафимов. – Вы, блатные, всегда договоритесь.

– Да какая я блатная-то?! Я ему что, мама родная?! Так только... нашему забору двоюродный плетень... Эх... Да, может быть, оно и к лучшему, в ветеринарку пойду... И значит тем более! Я с чистой совестью могу лечить Софью до полного выздоровления!

– Да ты мне ребенка загубишь!

– Сам дурак, – огрызнулась Лиза и понесла девочку в комнату.

И в эту минуту в двери кто-то настойчиво постучал.

Серафимов и Лиза переглянулись.

– Симка, да? – не поняла Лиза.

– Я ж говорю, Симка вечером придет... Давай Соню, иди открой.

Лиза открыла двери – на пороге стояли совсем незнакомые женщины пожилого возраста с горящими глазами.

– Мы друзья! Ничего не бойтесь, – сразу же заявили они. – Мы все знаем! Собирайтесь! Мы вас спасем!

– Вы что... С интерната? – откровенно не поняла Лиза. – Для детей с заторможенным развитием? Чего это вы ко мне... дружить прибежали?

– Почему это для детей?! – возмутилась высокая тощая дама и от негодования даже раздула ноздри. – Мы – спасатели! Сыщицы, так сказать! Мы ж сразу сказали – спасем вас! Что там у вас произошло?

Другая женщина – маленькая, хлипенькая, с острым носом, подругу одернула и постаралась объяснить спокойнее:

– Девушка, мы... понимаете, мы слышали, как вы ночью плакали, обижались, что вас кто-то не туда привез. Вот мы и... собирайтесь, мы вам поможем сбежать. Вас же похитили!

– Меня? Похитили? – туго соображала Лиза, – Ну да... что-то вроде того... Но... Я по собственному желанию, понятно вам! Я сама! И все! И больше не ходите!

И она захлопнула двери перед самым носом незваных гостей.

И уже через двери женщины слышали, как она кому-то

раздраженно говорила:

– Теперь уже от меня так просто не отделаешься! Я же предупреждала!

Люся и Василиса некоторое время смотрели на обивку чужой двери, а потом огорченно направились восвояси. Они были настроены несколько на другой прием.

И в самом деле – они с таким трудом отыскивали эту дачу! Ночью-то им казалось, что в двух домах дачного поселка заблудиться может только муравей. Но когда утром они вышли на дорожку, все оказалось не таким радужным – поселок разбегался несколькими улицами, и все домишки были тщательно упрятаны в зеленых зарослях. Осталось только одно направление, но и оно мало помогло.

– Вася... я совсем не помню, куда бежала. Я ж по сторонам не смотрела, я Малыша звала, – огорченно моргала Люся.

На Василису и вовсе никакой надежды не было – она страдала отчаянной близорукостью, но не носила очков, считая их исключительно старческим аксессуаром. То есть видела немногим лучше крота.

Однако именно Василиса нашла выход.

– Люся, уйми свои расшатанные нервы, с тобой рядом всегда кладезь ума. Чего ты на Малыша пялишься? Я про себя говорю!

Люся только безнадежно хмыкнула – этот кладезь работает только в собственных корыстных целях, например, когда

надо свистнуть двести рублей из общего бюджета на колготки в сеточку.

Но подруга продолжала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.